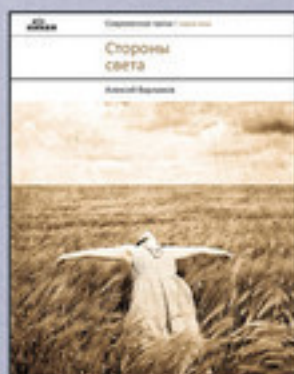

Алексей Варламов

Теплые острова в холодном море

*Часть сборника
Стороны света (сборник)*

Алексей Варламов

Теплые острова в холодном море

«Никея»

2011

Варламов А. Н.

Теплые острова в холодном море / А. Н. Варламов — «Никея», 2011

«Ранним пасмурным утром с кемского причала, хаотичного, громоздкого сооружения, состоящего из аварийных мосточков, сходней, вбитых в дно старых свай, доков и сараев, уходило в море несколько частных катеров. Мотоботы увозили столпившихся на берегу людей, которые привычно и скоро спускали в трюм вещи и устраивались на палубе в ожидании недалекого морского пути. К семи толпа рассеялась, суда ушли за мыс, и на пристани остались только двое мужчин в штормовках и одетый в теплую куртку мальчик лет семи с рюкзачком за спиной и зачехленной удочкой в руках...»

© Варламов А. Н., 2011

© Никея, 2011

Содержание

1	5
2	8
3	10
4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Алексей Николаевич Варламов

Теплые острова в холодном море

1

Ранним пасмурным утром с кемского причала, хаотичного, громоздкого сооружения, состоящего из аварийных мосточков, сходней, вбитых в дно старых свай, доков и сараев, уходило в море несколько частных катеров. Мотоботы увозили столпившихся на берегу людей, которые привычно и скоро спускали в трюм вещи и устраивались на палубе в ожидании недалекого морского пути. К семи толпа рассеялась, суда ушли за мыс, и на пристани остались только двое мужчин в штормовках и одетый в теплую куртку мальчик лет семи с рюкзачком за спиной и зачехленной удочкой в руках. Мальчик никогда не видел так много воды, восторженно крутил головой и не понимал, чем озабочены его папа и крестный, почему все время ходят по причалу, перетаскивают рюкзаки, что-то выясняют у чужих дяденек и друг с другом спорят. Ему хотелось поскорее сесть в катер и поплыть, от нетерпения дрожали пухлые губы и сверкали на нежном раскрасневшемся личике большие темные глаза с густыми ресницами. Однако взрослые не спешили. После долгих раздумий затаскивать рюкзаки в последний мотобот, рассчитанный на пять-шесть человек, но взявший на борт уже вдвое больше, они не решились. Два года назад один из них на подобном суденышке и у этих же берегов едва не затонул.

– Даже не на подобном, а именно на этом, – уточнил потерпевший, пристально разглядывавая приглашавшую путешественников низко сидевшую в воде посудину и ее нового хозяина. – А Павел Петрович-то где?

– На материк уехал, – буркнул худощавый мореход.

– Вот оно что-о... А я смотрю, тот самый катер, ну точно тот, – обрадованно заговорил Илья Поддубный. – Ой, Серега, погляди, какая собака, – и, убедившись, что ребенок занялся желтой лохматой лайкой с закрученным хвостом и не слушает, с удовольствием поведал смурному судовладельцу историю о том, как по дороге на Анзер на сем безымянном катере при сильной волне едва не заклинило двигатель и больше часа, забыв о приступе морской болезни, вместе с американским телекорреспондентом итальянского происхождения Бобом Аспирини он черпал из-за борта воду и охлаждал мотор, а потом, когда, так и не добравшись до Анзера, вернулся в поселок и пил водку с незадачливым экс-капитаном Павлом Петровичем, а Боб валялся на полу кубрика без чувств, вытянул из морского волка неохотное признание: если бы перегревшийся двигатель заглох, потерявший ход мотобот неминуемо налетел бы на скалы и затонул.

– Да не, не затонул бы, чего-нибудь придумали б, – сказал небритый мужик, поморщившись.

– Что, что тут придумаешь? – загорячился Поддубный и волнительно поджег сигарету. – Волна такая была, разбило бы о камни катер, а потом и всех людей, бляхас-мухас.

– Да не, придумали б, – повторил хозяин и зевнул. – Ну так что, не поедете?

Раздосадованный помор позвал собаку, скрылся в недрах кораблика, запустил мотор, и мальчику сделалось грустно. Он хотел заплакать, но вовремя вспомнил, что обещал себя хорошо вести, и принялся ждать большого морского парохода с белой трубой. Однако проходил час за часом, сжимались и разжимались в воде медузы, летали крупные морские чайки, лазили по причалу легко одетые местные ребятишки, вышла в море рыбацкая лодка под мотоботом, и отчаянные, визгливые пацанки крутились недалеко от берега на самодельном плоту...

По мере того как день разгорался, холодный, пронизывающий ветер усиливался, шелестел по молу, где не было ни навеса, ни укрытия, поднимая мусор и разнося как пароль таин-

ственное и непонятное слово «печак», а горизонт оставался пуст, и только слева в дымке угадывались очертания не то громадного военного корабля, не то горбатого каменистого островка, и под ногами уходила зеленая, грязная, перемешанная морская и речная вода, обнажая сваи старого мола и прилепившиеся к ним блестящие черные водоросли.

Теперь Макаров жалел, что они не отправились на катерке, – авось не заклинило и не потопли бы, а сейчас уж подплывали бы к островам, – но когда высказал бесполезную мысль вслух, его товарищ неожиданно снова занервничал и стал раздраженно говорить, что не понимает он беспечный российский народ, который, чего бы с ним ни происходило, не только свою жизнь ни во что не ставит, но и на других ему плевать.

– А у тебя дома жена с дитем в животе.

Ввязываться в обычный спор не хотелось, гораздо лучше было б после бессонной ночи подремать, но в памяти болезненно оживали долгие часы, проведенные в местных аэропортах, на берегах больших рек, остановках сельских автобусов, что ходят два раза в неделю, если не сломаются, многодневное сидение где-нибудь в тундре, тайге либо в горной долине, когда прислушиваешься, не раздастся ли вдали звук летящего вертолета, но нет, тишина, и ты уже не можешь ни читать, ни говорить, и жжет язык от бесчисленных, безо всякого удовольствия выкуренных сигарет, покуда и те не кончатся и нечем будет ожидание скрасить.

Был канун самого большого в островном монастыре праздника, на причале появлялись все новые и новые люди, подъехала машина с иностранными туристами, а следом за ней неожиданный, как жираф, громадный запыленный паломнический автобус с украинскими номерами. Теперь слухи на пристани циркулировали более верные: корабль придет, и руководительница паломнической группы подтверждала, да, она звонила накануне в монастырь, говорила с настоятелем, и архимандрит обещал, что непременно пришлет с утра судно и заберет паломников, чтобы они поспели ко всенощной.

Непаломники гадали, возьмут ли с пилигримами и их, хватит ли всем места, ревниво приглядывались друг к другу и вспоминали, кто раньше на причале сидит. С чьей-то легкой руки пошел гулять по берегу слух, будто на борт монастырского судна можно подняться только по благословению, – далекий от таинственных церковных условностей люд приуныл и искоса поглядывал на двух одесских батюшек, переносящих корабельные невзгоды с подобающей сану невозмутимостью и неизвестно, готовых ли благословить на морское путешествие такое скопище народу, – но никакого парохода не было. Потом внимание всех ожидающих привлекла громадная белуха, появившаяся совсем недалеко от мола. Она выбрасывала из воды белое, жирное тело, и публика рассматривала с преувеличенным восторгом дельфина и снимала на видеокамеры, хоть на время отвлекшись от основного, наскучившего дела.

Должно быть, болезнь Макарова началась именно тогда, на причале, во всяком случае, еще накануне вечером, сидя у окна скорого мурманского поезда и глядя в полумглу, на карельские леса и озера, он чувствовал себя совершенно здоровым, но теперь его слегка зазнобило, однако не настолько, чтобы расхотелось есть или курить, и под осуждающие взгляды проникшей было симпатией к его благообразному облику питерской богомолки он с усилием жевал копченую «Еврейскую» колбасу и пил по очереди с таким же благообразным товарищем из горлышка «Рябину на коньяке».

А быстро насытившийся мальчик ходил среди людей и с изумлением разглядывал большие рюкзаки, упакованные байдарки и катамараны, мольберты художников, киноаппаратуру съемочной группы, добродушных собак, богомолок в строгих платках и священников в черных рясах; кто-то предложил ему конфету, но он застеснялся и убежал к отцу, а потом принялся играть со шведским песиком, бросал камешки в воду и разговаривал с большим морем. Ему было очень жалко, что море холодное и в нем нельзя купаться, но тут он вспомнил, как дядя Илья еще дома говорил, что там, куда они едут, есть много маленьких озер с теплой водой и жить они будут в настоящей палатке на берегу морского залива, готовить на костре еду, соби-

рать грибы и удить рыбу. От этих мыслей на душе становилось радостно, и хотелось, чтобы все скорее так и произошло.

– Ну когда приплывет пароход? – спрашивал он нетерпеливо и жалобно.

– Скоро, Сереженька, теперь уже скоро.

– А откуда? Оттуда? – И показывал прямо.

– Нет, крестничек, – ласково глядел на него дядя Илья. – Во-он видишь, справа мыс?

Мальчик смотрел и смотрел вдаль, пока вода не стала резать глаза; замелькали разноцветные круги, кучевые облака над линией горизонта, черные точки птиц и слепящие блики, застучали колеса поезда, на котором они приехали ранним утром; детская головка склонилась, и ребенок уснул.

2

«Печак» появился из-за мыса в первом часу. Сережа проснулся от шума его двигателя и не поверил глазам: возле причала, там, где еще совсем недавно было пусто, пришвартовался пароход. Он был не таким большим и красивым, каким мальчик его представлял, но все равно с настоящей мачтой, капитаном, трапом, иллюминаторами, шлюпками и спасательными кругами, и из него стали вылезать такие же туристы, с рюкзаками, в штормовках, улыбающиеся иностранцы и местные жители, которых легко было узнать по будничности и равнодушной отстраненности, с какой они сходили с катера и незаметно исчезали с причала. Две толпы смешались на берегу, стали путаться в вещах и толкаться, поднялась суматоха, и залаяла собака. Дядя Илья принялся объяснять папе, которому в имени корабля все время чудилось слово «печенег», почему корабль называется иначе, не менее странным словом. Но Сережа их не слушал. Он пытался поймать на лицах пассажиров особенное выражение, торопился разглядеть образ таинственных, близких и по-прежнему недостижимых островов, однако все вернувшиеся выглядели деловито и были заняты уже другими, прозаическими проблемами: как поскорее добраться до вокзала, купить билеты и сесть в поезд.

Измученная ожиданием толпа на причале стала вразнобой спрашивать, скоро ли отходит «Печак» и в котором часу начнется посадка, но белобрысый, худенький капитан долго не отвечал, а когда кто-то стал настойчиво и бесцеремонно добиваться, сколько он возьмет человек, с неприязнью посмотрел на осаждавших катер людей и сорвавшимся голосом пискнул:

– Я никого из вас не возьму! У меня судно не пассажирское, и я сюда за бензином пришел. Не понятно кому? – и мотнул головой в сторону кормы, где, укрытые брезентом, стояли десятка два здоровенных пустых ржавых бочек, которые команда начала с трудом выталкивать на не оборудованный для погрузки причал.

От ожидания картина бытия сделалась необыкновенно подробной, все измельчилось вокруг и рассыпалось на десятки хаотичных, но странно связанных между собой кусочков и ощущений, ни одно из которых нельзя было выкинуть, все западало в память и томило. Проходили на борт, расталкивая толпу, незаметные, хорошо знакомые друг с другом и с командой люди, ничего не объясняя, заносили коробки с помидорами, арбузы, торты, бананы, прикатали на тележке телевизор и холодильник, спускались внутрь, а остававшиеся на причале мучились ожиданием, пили пиво, закусывали консервами, курили, и самое худшее в этом ожидании было то, что никто не знал, чем оно окончится. Куда должен плыть корабль, на какой берег отвозить людей и что их гонит в место, в которое много лет никто по своей воле не ездил, – какая сила управляла всеми событиями этого дня и где приклонят они сегодня головы?

Шел уже седьмой или восьмой час их нахождения на пристани. Шведы сидели совершенно покорные и обрусевшие; сдержанно злилась на обманувшие ее монастырские власти руководительница паломнического автобуса, раздражаясь оттого, что подворье на берегу закрыто, все уехали на острова и никто не встретил людей, проехавших почти три тысячи километров. Мальчик же больше ни о чем не спрашивал и никуда отца не тянул, как если бы они навсегда поселились на этой пристани и так станут здесь жить словно беженцы или переселенцы. Уже исполнилось четыре часа, угрюмая, оборванная команда понуро закатали по сходням полные бочки бензина и стала готовиться к отплытию, казалось, судно вот-вот отчалит, оставив на материке несчастную, целый день на ветру прождавшую толпу людей; но когда всем стало ясно, что хамство возьмет верх над жадностью, насладившись растерянностью и страхом, капитан гадливо оглядел причал и рявкнул:

– Цена – сто двадцать. Все согласны?

И тотчас же народ схватился за рюкзаки и сумки и хлынул на палубу. Никто в точности не знал, возьмут ли на «Печак» всех, перед узкими, шаткими сходнями возникла давка, поднялся визг, матросы едва успевали осаживать толпу, забирать деньги и отдавать сдачу.

– Ребенка, ребенка пропустите! – орал кто-то неправдоподобно тонким и пронзительным голосом, но мальчик не понимал, что ребенок – это он, дрожал от страха и бился, а потом сильные руки подняли его в воздух и над мусорной, маслянистой водой, над медузами и водорослями он взмыл легко, словно птица, в следующее мгновение его принял дядя Илья, и Сережа очутился на палубе.

А снаружи паломники, шведы, собаки, туристы, попы и интеллигенты – все перемешались, передавая через головы вещи, бросая их в трюм, толкаясь, споря, ругаясь и крича; о бензине, билетах, страховках, налогах, отчетности, списках и безопасности пассажиров никто не спрашивал и не говорил, забитое до отказа людьми, тяжело груженное судно просело в воде, и через десять минут на опустевшем причале никого не осталось, кроме группы молоденьких московских ребят с гитарой, ездивших принципиально или по нехватке средств автостопом и сумевших добраться таким образом до Кеми. Однако на море халявный принцип, похоже, не действовал, детям не хватало на билеты совсем немного денег, они кричали на берегу, прыгали и, задираясь, предлагали отдрать хозяину за перевоз его лоханку, но капитан приказал отчаливать.

3

От обилия народа утлый «Печак» кренился то на правый, то на левый борт, люди были возбуждены, капитан высовывался из рубки и орал, но, не считая скандинавов, никто его не слушал и больше не боялся, все вольно перемещались по палубе, смеялись, махали руками, фотографировали, прятались от ветра.

Так они прошли мимо нескольких небольших безлесых островов справа и слева по ходу судна, затем оставили позади маяк и створ, пространство вокруг очистилось, как очистилось и небо над их головою, и вода вокруг, засветило яркое солнце, и если в закрытой кемской губе не совсем очевидно было, что причал находится на берегу моря, то теперь пассажирам открылась громада блестящей воды, которую неторопливо рассекал старенький катер, идя строго на восход и оставляя за собой устье шумной порожистой реки и высокий карельский берег.

Макаров ходил вслед за восторженным Сережей по кораблю, объяснял сыну названия и назначение тех судовых приспособлений, о которых имел представление, и умалчивал о неизвестных, и умный мальчик с оттопыренными ушами, шевеля губами, новые, волшебные слова повторял и запоминал. Вода текла совсем близко, и взрослый человек изо всех сил сжимал детскую руку, не в состоянии отогнать страшное видение, как сын перегибается через поручни и падает за борт, – а мальчик снова сделался беспечен и весел, точно и не было долгих часов ожидания катера и посадки.

У кого-то из пассажиров оказалась подзорная труба, в которую все по очереди смотрели на скалистые, поросшие лишайником и мхом пустынные острова, на одинокий дом на одном из них, там находилась либо метеостанция, либо жил человек, присматривающий за навигационными знаками; мелькнула среди волн черная голова тюленя, он некоторое время провожал судно, а потом исчез под водой, и уже через час пути впереди на дрожащей линии горизонта в сизой дымке показалась узкая и длинная, неровная полоска суши, и повеселевший, просветленный Поддубный благоговейно произнес ее схожее с птичьим название.

Иногда на спокойном море возникала, подобно барьеру, стоячая волна, когда сталкивались ветер и движимая силой прилива вода, проходили далеко в стороне от слабосильного катера большие грузовые суда и маленькие рыбацкие шхуны, и, глядя на них, обрадованный Поддубный рассказывал столпившимся вокруг пассажирам историю про группу отчаянных ребят, добравшихся до монастыря на байдарке, а то вдруг замирал с мечтательным выражением лица. Озирая пустынное пространство, отделявшее архипелаг от последних горбатых островов, вытянувшихся с юга на север цепочкой от материка, Павел представлял затерянных в массе серо-зеленой колышущейся воды людей, которым с низенькой, ныряющей вверх-вниз байды даже не было видно земли, много часов они равномерно гребли, ориентируясь по компасу, в любую минуту рискуя перевернуться на волнах или оказаться унесенными в открытое море и там бесследно стинуть, но зато какую радость должны были испытать, наконец добравшись до берега, и Бог весть отчего ему тоже захотелось так когда-нибудь поплыть, отдав себя на волю судьбе.

А еще совсем недавно мечтавший оказаться на корабле Сережа уже заскучал, он стремился теперь на берег и жалобно, как днем на причале, спрашивал у отца:

– Ну скоро мы приплывем?

Только на исходе четвертого часа большой остров наконец остановился, приблизился, и катер, минуя крохотные островки, луды и навигационные знаки, прошел по извилистому входу в глубокую бухту. Монастырь стал виден очень отчетливо, ветер стих, и, освещенный снизившимся солнцем, северный оток походил на сказочный остров, куда выкинуло из бочки царевича Гвидона, белый, радостный, совсем не хмурый и не грозный, каким казался по своей давней и недавней истории. Туристы столпились на палубе, щелкая фотоаппаратами и медленно

водя водоискателями камер, то приближая, то отдаляя панораму монастырских стен, возле которых стояло на причале несколько больших судов, яхт, катеров, мотодор и мотоботов, и толпились на пирсе встречающие.

Мальчишки на берегу предлагали сувениры, открытки, схему архипелага и банки с черникой. Сережа застеснялся, но с любопытством оглядывался по сторонам, все было ему интересно, а бывалый Поддубный, не обращая ни на кого внимания, торопливо повел своих спутников вверх по улице.

Обе маленькие частные гостиницы, с ресторанами, горячей водой, сауной и двухместными номерами, оказались заняты, и после недолгих поисков они остановились в двухэтажном здании старой музейной гостиницы прямо напротив одной из монастырских башен. Номера были очень дешевыми и большими, на пять, а то и на десять коек, и, с трудом поднявшись по скрипучей крашеной лестнице, заняв первую попавшуюся кровать в огромной угловой комнате, утомленный Макаров возмечтал полежать, но Илья затеребил его, предложил оставить в номере вещи и поужинать на берегу залива. Скорее от апатии и нежелания что-то объяснять и спорить Павел согласился.

Трое обогнули монастырскую стену, сложенную из таких громадных валунов, что невозможно было представить, как четыреста лет назад могли люди, не имевшие никакой техники, водрузить каменные глыбы одна на другую, прошли вдоль берега озера, примыкавшего к монастырю с противоположной от моря стороны. В озере купалась, точнее, мыла длинные, густые волосы темноглазая девушка в синем купальнике. Ничуть не смутившись, весело и просто-сердечно она улыбнулась прохожим, и очень чуткий и оттого обыкновенно суровый к девицким вольностям Поддубный приветливо спросил: «Ну как водичка?» – и она заулыбалась еще радостнее: «Ой, холодная!» – и дальше через поселок, где чередовались старые добротные постройки, кирпичные двухэтажные дома, какие можно было встретить в любом провинциальном городе, и новые финские коттеджи, дошли они до магазина.

Встали в неподвижную поселковую очередь, где долго выбирают товар, разговаривают с продавщицей и обмениваются местными новостями, потом вспоминают, что забыли взять конфет, а заодно и сладкой наливки, тянут время, но никто не злится и болтунов не подгоняет, и тут Макарову, который всегда умилялся провинциальной неторопливости, вдруг сделалось дурно.

– Побудь здесь с лелькой и ничего не клянчи, – сказал он скороговоркой, выбежал на улицу и, увидев впереди пустырь, согнулся в три погибели.

Тело тряслось как в лихорадке, болел желудок, и когда через четверть часа Поддубный с Сережей вышли из магазина улыбающиеся, с нежнейшей островной селедкой и батоном мягкого белого хлеба, от которого зубами отдирали куски, и протянули батон Макарову, тот из последних сил принудил себя сделать вид, что ему хорошо и он просто любит монастырем.

Они вышли из поселка и двинулись дальше по лесной дороге; на берегу широкого залива, где пахло морскими водорослями и валялся в обилии плавник, развели костер. Отсюда были видны главки церквей и уходящее вдаль покойное море, но никакие звуки поселка до лесистого берега не долетали. Сережа приносил новые и новые выброшенные морем и высушенные солнцем белесые, просоленные дрова, бросал их в огонь, и жаркое, без дыма пламя взметалось высоко в небо. Поддубный светился от бликов огня, от довольства и предвкушения вечерней посиделки, и Павел все еще держал себя в руках, выпил полную дозу и закусил селедкой, но дальше сдерживаться не смог и, согнувшись, со стоном отбежал в сторону леса.

А потом долго лежал на сыром, мягком мху, в чернике, не пытаясь ничем себе помочь, просто дожидаясь, когда отпустит живот и можно будет встать и пойти. У мальчика дрожали губы, он не понимал, почему так изменилось и посерело папино лицо, расширились и помутнели глаза; забеспокоившийся Илья спрашивал, что с ним, недоверчиво качал головой, советовал не есть жирного и предлагал какие-то таблетки, но вечер был испорчен, и этого первого,

драгоценного вечера было жаль и неудобно перед товарищем, который – Макаров это хорошо видел – очень хотел, чтобы куму понравился остров, для него старался и сюда поехал; однако вместе с ощущением неловкости в душе появлялось новое, тревожное чувство, что все не просто так и во всем, начиная с угрюмого капитана, есть некий умысел. И покуда Поддубный с Сережей сжигали мусор, а потом заливали костер, собирали банки, так что на берегу не осталось и следа от их пикника, он с тоскою и кротостью болящего глядел на меркнувшее небо, встающий из воды красный полумесяц, на не боящихся людей уток и крикливых морских чаек.

4

На обратном пути Макарову сделалось легче, и Поддубный предложил зайти в монастырь. Было совсем темно, но в поселке гремела музыка, народ толпился у открытых ночных магазинов, то и дело попадались навстречу компании прогуливающих людей, все были веселы, легкомысленны, здоровы, и этот дух праздности и гульбы, что стоял над ночным островом, странным образом напоминал не богомольный монастырь и не бывший лагерь, а какой-то праздник, молодежный фестиваль, курортный приморский городок или туристскую базу.

Ближе к монастырю музыка стала тише, свет домов и витрин остался позади, и в поздний час перед белеющей громадой собора негромко разговаривали несколько паломников и высокий иеромонах. Вокруг лежали распиленные бревна, у келейного корпуса светилась и остро пахла клумба с цветами, кое-где горели редкие огоньки. Иногда по поселку за стеной проезжал мотоцикл, и снова все стихало.

Сережа тоже притих, Павел сел на лавочку и в полузабытии, немного раскачиваясь, попытался унять дрожь в теле, но Поддубный попросил его подойти к монаху и спросить, в каком часу начнется служба, сам он стеснялся, потому что от него пахло водкой. Чернец посмотрел на приблизившегося и покачивающегося от слабости постороннего человека с явным неудовольствием, еще свирепее глядели на него паломники и трудники, однако жавшийся к отцу мальчик всех смягчил.

Всенощная кончилась, но со стороны толстых стен, справа ли, слева, быть может, из келий, доносилось удивительное пение. Макарову подумалось, ему мерещится оттого, что поднялась температура или же кто-то в ночи слушает пластинку с церковной музыкой, но тут Илья схватил его за руку:

– Пошли быстрее. Плохо, что выпили, но все равно пошли.

По темной крутой лестнице они поднялись в громадный собор и очутились в едва освещенном свечками помещении. В храме было совсем немного народу, в основном женщины.

Они пели акафист, в темной, невидимой вышине отражались и возвращались их голоса, потом молодой священник принялся читать Евангелие, на белых стенах лежали дрожащие от движения воздуха тени, никто не шевелился, и Макаров, забыв о недомогании, стоял, выпрямившись и оцепенев.

«Как все это странно», – думал он, вслушиваясь в знакомые, но совершенно иначе звучащие под высокими сводами слова. Он не знал, сколько так прошло времени, и только чувствовал, что очень озяб, от сырых стен несло прохладой. Сережа еле держался на ногах, Макаров тронул Поддубного за рукав, и, поддерживая засыпающего на ходу ребенка, они спустились, с трудом нащупав в кромешной тьме неровные ступеньки, и двинулись к полуосвещенной гостинице.

Уложив сына, Павел снова вышел на улицу и направился к озеру. В сырой ночной мгле приезжий разделся на берегу возле пустой дороги и ступил в воду. Под ногами была тина, какие-то банки и железяки, и, испугавшись, что поранит ногу, он торопливо поплыл. Вода была не слишком теплой, прямо перед ним возвышались стены, но дорога, идущая вокруг озера, оказалась неожиданно оживленной, по ней гуляли ночные отдыхающие, потом торопливо стали проходить возвращавшиеся от вечерней службы люди, которых он видел совсем недавно в высоком, пустынном храме. Темные фигуры бесшумно скользили вдоль линии тихо плещущейся воды, звучали звонкие женские голоса, певшие во время службы акафист, и купальщику сделалось неловко. Когда все стихло, быстро вылез на скользкий берег, растерся полотенцем, надел свежее белье и новую рубашку и, повеселевший, пошел в гостиницу, вспоминая и взвешивая весь этот утомительно долгий, тяжелый день.

Бодрость, однако, быстро прошла, и ночью ему стало совсем нехорошо. Павел спал в бреду, не соображая, наяву или во сне грезится ему раскачивающаяся комната, голые, испи-санные стены и долгий ряд застеленных кроватей с тумбочками, точно в пионерском лагере.

С утра Поддубный потрогал его лоб, уверенно сказал, что поднялась температура и, воз-можно, у него начинается кишечный грипп, отругал за то, что полез ночью купаться, дал еще горсть таблеток, взял крестника и ушел на праздничную литургию. Макарову пришлось сми-риться с тем, что ему на службу не идти, он читал, полудремал, кипятил чай и думал о том, что либо им придется поменять все планы и оставаться в этой громадной, неуютной комнате, где в любую минуту к ним могут подселить посторонних людей, и неизвестно сколько дней ждать выздоровления, либо из гостиницы уходить и с рюкзаками тащиться в лес – но хватит ли у него сил дойти и как станет он в лесу жить?

Из полузабытья его вывел колокольный звон. Шатаясь, он поднялся, вышел из гости-ницы, пересек дорогу и оказался в монастыре. Крестный ход только что покинул собор, боль-ной примкнул к молящимся и пошел вместе с богомольцами и туристами вокруг монастыр-ских стен. Среди идущих людей он узнавал вчерашних пассажиров «Печака», вдохновенные лица южных паломников и отчужденные физиономии горожан, встретились ему не взятые на борт автостопщики, видно добравшиеся до архипелага на байдарке, и очень серьезные шведы, которые заулыбались и приветливо помахали знакомому рукой. Нестройно пел хор, несколько раз разношерстная, то отстающая, то забегающая вперед процессия останавливалась, худоша-вый священник читал молитву и окроплял людей святой водой. Брызги попадали и на Мака-рова, и он с надеждой растирал воду по лицу и рукам, думая, что она поможет избавиться от хвори, пробовал подпевать, хотя совсем не знал слов, с умилением глядел на идущего среди взрослых людей сына за руку с крестным и усердно кланялся. Но очень скоро ему сделалось опять нехорошо, и, не дождавшись, пока растянувшееся на узкой дороге шествие обогнет дол-гие монастырские стены и вернется в собор, он отправился в гостиницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.